

*М. А. Егорова,
С. И. Миронова*

Образовательная среда интерната как фактор психологической готовности к материнству девушек-сирот

В настоящее время психологические проблемы подростков – воспитанников интернатных учреждений получают широкий общественный резонанс благодаря освещению как в научно-популярной литературе, так и в средствах массовой информации. Следует отметить позитивные сдвиги в решении вопроса жизнеустройства детей-сирот и признании приоритета семейного воспитания. Тем не менее, институализированные формы остаются ведущими, поэтому анализ образовательной среды интерната является основным инструментом познания социально-психологических рисков вхождения сирот в самостоятельную жизнь.

Понятие «образовательная среда» включает систему педагогических и психологических условий и влияний, которые создают возможность для раскрытия способностей и личностных особенностей учащихся. Образовательная среда призвана обеспечивать активную позицию учащихся в образовательном процессе, их личностное развитие и саморазвитие [8]. Согласно эколого-личностной модели, разработанной В. А. Ясвиним, образовательная среда, обладающая развивающим эффектом, раскрывает комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса (учащихся и педагогов) на пространственно-предметном, социальном и организационно-технологическом уровнях [14].

Дж. Боулби впервые исследовал влияние условий воспитания в закрытых учреждениях на развитие и социальную адаптацию ребенка-сироты. Автор утверждал, что проблема заключается в отсутствии возможности установить интимные, эмоционально насыщенные, устойчивые отношения с объектом привязанности для ребенка-сироты.

Для того чтобы образовательная среда эффективно выполняла свою развивающую функцию, те есть способствовала раскрытию индивидуальности детей и формированию здорового образа жизни, а также для решения задачи подготовки воспитанников к самостоятельной жизни, при проектировании модели образовательной среды необходимо следовать следующим принципам.

1. Поддержание целостной образовательной среды посредством взаимосвязи между всеми структурными элементами, что достигается преемственностью предметного содержания между занятиями внеучебной деятельности, непротиворечивым стилем воспитания, построением инфраструктуры детского дома, способствующей амплификации детского развития.

2. Решение заявленной проблемы возможно исключительно при полной реализации мультидисциплинарного принципа работы психолого-педагогической службы образовательного учреждения.
3. Принцип индивидуального подхода к каждому ребенку и психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в целом [2].

Ряд исследований 80–90-х годов в России показали негативные последствия институционального воспитания (М. И. Лисина, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, М. К. Бардышевская и др.). Было доказано, что институциональное воспитание детей-сирот строится без учета адекватных психологических условий, обеспечивающих полноценное развитие детей. При институциональном воспитании у ребенка-сироты развивается психическое состояние (психологическая депривация), возникающее в результате длительного ограничения возможностей в удовлетворении в достаточной мере его основных психических потребностей. В результате недостатков институционального воспитания возникают различные виды депривации: сенсорная депривация из-за обедненной среды; социальная депривация из-за недостаточности коммуникаций с окружающими и скудности имеющейся коммуникации; эмоциональная депривация как следствие отсутствия эмоциональных связей с воспитателями или другими значимыми взрослыми; когнитивная депривация как результат жесткой формальной организации среды закрытых учреждений (Е. Г. Трошихина, 1997). Исследователи указывают на специфические для детей-сирот психологические особенности, поведенческие проявления, особенности социальной адаптации [3].

М. О. Проселкова провела обобщающее исследование об особенностях психического здоровья детей-сирот и установила, что различные органические психические расстройства у детей-сирот определяются сочетанием взаимодействия «органического», дизонтогенетического, психогенно-депривационного и личностного факторов. При этом собственно органические психические расстройства всегда включают картину своеобразного депривационного расстройства личности. Признаки депривации личности ребенка-сироты имеют свою специфику и включают базисные нарушения Я-концепции и социальных взаимодействий. Пережитый негативный опыт в девиантной родительской семье, психологическая травма разлуки с семьей, депривация (в первую очередь, материнская) являются ведущими факторами последующих социально-личностных и психологических отклонений воспитанников интернатных учреждений (И. В. Дубровина, М. А. Егорова, В. Н. Ослон, А. М. Прихожан, Г. В. Семья, Н. Н. Толстых и др.).

Особенно остро данная проблема звучит, когда идет речь о социально-психологической дезадаптации девушек – воспитанниц закрытых

учреждений в сфере материнства. Различные формы девиантного материнства у выпускниц интернатов обусловлены в первую очередь личными психологическими переживаниями, болезненным источником которой является прерванная связь с кровной семьей. Данные нарушения усугублены условиями образовательной среды закрытых учреждений и проявляются еще до появления объекта материнства (ребенка), то есть до беременности (В. И. Брутман, М. И. Буянов, М. Ю. Кондратьев и др.).

Образ матери в жизни любой девочки–девушки несет особый символический смысл – экзистенциальный смысл материнства. Личность матери и специфические взаимоотношения с ней играют определяющую роль в формировании полоролевой идентичности девушек. Что касается девушек-сирот, то последствия материнской депривации проявляются:

- или в отсутствии эмоционального, поведенческого опыта общения с матерью, или в его негативной окрашенности (затаенное чувство обиды и даже злости на мать);
- в депривационных психических и психологических нарушениях;
- в усвоении искаженных половых, семейных и других представлений, ролей, форм и стереотипов поведения в социуме [6].

Материнская депривация является причиной недостаточной сформированности ряда личностных структур и в целом материнской сферы воспитанниц. Результатом становятся ранние отказы от детей, плохое и даже жестокое обращение с ребенком.

Рассмотрим специфику материнской сферы. Материнство является важной областью самореализации женщины. От того как она выполняет свои материнские функции и относится к ситуации материнства, напрямую зависит как ее собственное психо-физиологическое здоровье, так и ребенка. Сложность изучения этого вопроса связана с тем, что материнство – это разноуровневое и многокомпонентное образование, имеющее проявления в разных психологических сферах: мотивационной, эмоциональной, поведенческой, ценностной и т. д.

Согласно теории Г. Г. Филипповой, материнство является потребностно-мотивационной сферой женщины. Данная сфера состоит из трех блоков: эмоционально-потребностном, ценностно-смысловом и операциональном. Онтогенетическое формирование и развитие блоков, их содержательное насыщение происходит буквально начиная с рождения женщины. Материнство как стадия личностной и половой идентификации изучается в аспекте удовлетворенности женщиной своей материнской ролью.

Эмоционально-потребностный блок включает потребность в контакте с ребенком как объектом–носителем гештальта младенчества (комплекс качеств, образующих целостный облик малыша), потребность в его охране и заботе о нем, потребность в материнстве. Развитие эмоционально-потребностного блока происходит поэтапно.

1-й этап: образование эмоциональной реакции на компоненты гештальта младенчества (внешний вид ребенка, его запах и голосовые реакции; поведенческие особенности: структура и динамика движений; результаты жизнедеятельности и поведения младенца). Потребность в материнстве «расцветает» на основе рефлексии своих переживаний.

2-й этап: появление объекта материнства – ребенка как носителя гештальта младенчества. Возникновение и углубление потребности в охране и заботе о ребенке. Потребность приобретает статус функциональной.

Операциональный блок состоит из двух частей: действия по уходу и охране ребенка; общение с младенцем как последовательность операций, специфика которых заключается в уникальной эмоциональной окраске, особых вокализациях и невербальных средствах эмоционально-личностного общения ребенка и матери.

Ценностно-смысловой блок включает отношение к ребенку как к смыслообразующей ценности жизни родителя. Подобная интерпретация отношения к ребенку методологически связывается с конкретным культурно-историческим сообществом, в котором признана ценность материнства и существует социально одобряемая модель «хорошей матери». Материнство как реальная ценность социума оказывает замечательное влияние на формирование потребности в материнстве, в том числе девушек-сирот.

Проблема для сиротского учреждения заключается в построении образовательной среды, где у воспитанниц ценность материнства становится не лозунгом, а функциональной, то есть содержательной и деятельностно-насыщенной потребностью реализации в определенных условиях.

Одной из основных особенностей материнской сферы индивида является не фиксированное эволюционно, а прижизненно формирующееся наполнение ценностно-смыслового блока, потребностей и способов их удовлетворения. В этом отношении можно говорить о конкретно-культурной модели материнства. Воспитание необходимого для каждой культуры типа индивидуальной материнской сферы обеспечивается такими средствами, как модели семьи, материнства и детства, традиции, системы семейного и общественного воспитания и т. п., что может быть описано как «онтогенетический путь к модели». Онтогенетический путь приводит к появлению материнских функций, соответствующих конкретной культурной модели семьи.

С. Ю. Мещерякова дает определение психологической готовности к материнству как «...специфическому личностному образованию, стержневой образующей которого является субъект-объектная ориентация в отношении к еще не родившемуся ребенку... Это отношение проецируется после рождения ребенка в реальное материнское поведение и определяет его эффективность [5, с. 19].

Мы разделяем мнение Г. Г. Филипповой, что «мотивационная основа материнского поведения человека формируется на протяжении всей жизни, испытывая влияние благоприятных и неблагоприятных факторов» [10, с. 121]. То есть уровень психологической готовности к материнству определяется суммарным эффектом действия этих факторов к моменту становления матерью. Так, важнейшим фактором являются первые годы жизни будущей женщины. Сотрудниками научной школы М. И. Лисиной было установлено, что основы личности индивида, отношение к миру и себе закладываются с первых дней жизни исключительно в общении с близкими взрослыми. Если этот опыт положительный, «стартовые условия для формирования субъектного отношения к своему ребенку заложены» [4, с. 54]. С. Ю. Мещерякова предположила, что о характере раннего коммуникативного опыта, полученного будущей матерью в общении с близкими взрослыми, можно судить по аффективным следам, оставленным в ее первых воспоминаниях о себе и родителях, об их стиле воспитания, о своих привязанностях. Чем благоприятнее были отношения ребенка с родителями или с замещающими их взрослыми, тем «ярче след» – благоприятный опыт эмоционального общения, то есть «более выгодные условия в прогнозе будущего материнского поведения по сравнению с теми, кто такого опыта не имел» [5, с. 21].

Таким образом, психологическую «готовность к материнству» можно рассматривать как компонент мотивационно-потребностной сферы, которая начинает формироваться с первых месяцев жизни девочки и становиться прообразом дальнейшего отношения будущей матери к своему ребенку. Еще до этапа беременности (до появления объекта «готовности») происходит формирование эмоционально-потребностного, ценностного и операционального блока материнской сферы. Однако готова ли психологически девушка к материнству, окончательно определяется на этапе беременности, когда происходит «доразвитие» структур материнской потребностно-мотивационной сферы: появляются новые, более конкретные операции, направленные на поддержание объекта материнства или отказа от него; уточняется эмоциональное отношение к будущему ребенку; определяется значимость себя как матери в структуре личности девушки.

Психологическая готовность к материнству формируется вплоть до появления объекта материнства – ребенка. Однако можно говорить о большей или меньшей готовности к материнству, основываясь на таком важном показателе как *социально-психологическая готовность к самостоятельной жизни*. Данный вид психологической готовности предполагает сформированность у индивида социально-психологических механизмов, обеспечивающих благоприятное вхождение в социум, а также определенный уровень развития личностной сферы.

Параметрами адаптированной личности подростка являются: готовность к самоопределению (включает самосознание, систему мотивов и ценностей, временную перспективу и профессиональную направленность), интеллектуальную готовность (определенный уровень развития мышления, внимания, воображения, памяти, уровень, который позиционирует молодого человека в его социальном окружении), устойчивый эмоциональный фон – уравновешенность личности в ситуациях различной сложности, коммуникативные навыки, помогающие успешно общаться, получать необходимую информацию и использовать ее адекватно ситуации.

То есть готовность к самостоятельной жизни девушки-подростка предполагает сформированность самосознания, развитость нравственных установок и проявление индивидуальности, следование собственным целям и намерениям в соответствии с нормами окружающего мира. Нормально-ориентированное социальное развитие в подростковом возрасте связано с развитием принятия себя, доминированием и внутренним контролем.

Установлено, что у воспитанников интернатных учреждений недостаточно сформированы предпосылки социально-психологической готовности к самостоятельной жизни: переход из закрытой группы в открытые сообщества у большинства социальных сирот проходит неуспешно [7, с. 9]. Т. Н. Павлычева утверждает, что подростки-сироты не овладели продуктивными сценариями социальных проблем, внутренний самоконтроль они используют для отстранения и ухода от решения проблем. Процесс адаптации выпускников интернатных учреждений к новым социальным условиям автор характеризует как «ресоциализацию», связанную с высоким эмоциональным напряжением, активным освоением новых социальным правил и норм, а также позицией «невмешательства» в решение проблем. Кроме того, адаптированность детей-сирот при переходе в открытое общество значимо определяется их принятием другими людьми. Взаимоотношения с взрослыми у подростков-сирот складываются крайне противоречиво: с одной стороны, дети агрессивно домогаются внимания, с другой, отторгают взрослого, проявляя пассивное отчуждение [12].

Исследования М. А. Чурповой показали, что полное отсутствие семьи у ребенка качественно негативно влияет на интерперсональные отношения и эмоциональное развитие сирот по параметрам: отношения с взрослым, представления о детско-родительских отношениях, представления о других людях, о себе, способность к пониманию эмоций и уровень эмоционального благополучия. Не менее значимым в формировании материнской сферы девушки являются такие психологические параметры связи матери и ребенка как «привязанность» и «идентичность». Очевидно, что традиционная образовательная среда интер-

натного учреждения не может обеспечить формирование отношений по типу «привязанность», более того, большинству подростков-сирот неведомы чувства, вызываемые отношениями привязанности.

Разлука с семьей (переход в интернатное учреждение) приводит не только к разрыву отношений привязанности, но и к перемене социального и психологического статуса. С утратой основных социальных ориентиров (семья и ближайшее окружение) нарушается восприятие себя и собственной жизни – оно приобретает неустойчивый и фрагментарный характер, в результате чего у подростка создается ощущение неадекватности.

Полороловые позиции напрямую связаны с феминными и маскулинными паттернами поведения близких взрослых, которые окружали девушку с раннего детства. Основные формы поведения, способы разрешать полороловые ситуации, паттерны взаимоотношений мужчины и женщины девочки интериоризируют посредством наблюдения за поведением взрослых. Поэтому если такие формы имели искаженную реализацию (аддикции родителей, насилие между супругами, разгульное поведение матери и частая смена мужчин и т. д.), девочка-девушка идентифицирует искаженные позиции женской и материнской роли.

В условиях традиционного детского дома невозможно создать механизм идентификации, полностью повторяющий семейную идентификацию. Воспитатели остаются лишь носителями знаний, образцов поведения, поощрения и наказания, но не порождают собственных стремлений и осознанных переживаний у девушек-подростков, поэтому переданные им знания и образцы поведения чаще всего остаются формальными, отчужденными и не вызывают эмоционального, субъективного отношения [3, с. 18]. Следует также учитывать, что женщины-педагоги в детских домах нередко бывают обременены личными семейными проблемами и в принципе не могут передать позитивный материнский опыт своим воспитанницам. У подростка еще нет устоявшегося сексуального сценария, а эротические желания и фантазии не устоялись. То есть в эмоциональном и когнитивном плане у него не сформированы психологические средства защиты против насыщенного антисоциального воздействия в психосексуальной сфере [13]. Данные девиации психофизиологического развития девушек-сирот зачастую приводят к так называемой гиперсексуальности.

Итак, у подростка-сироты к моменту полового созревания недостаточно или вообще не сформированы психологические новообразования – интересы, ценности, нравственно-эстетические чувства, которые могли бы по силе и значимости конкурировать с пробудившимся половым влечением. Образовательная среда детского дома не способна «вооружить» подростка психологическими инструментарием, опосредствующим есте-

ственные процессы взросления и культурные формы самовыражения.

С целью изучения особенностей материнской потребностно-мотивационной сферы девушек–воспитанниц закрытых учреждений было проведено пилотное исследование, в котором участвовали 52 девушки: из них 25 – воспитанницы сиротских учреждений (выпускницы и ныне проживающие в детских домах и интернатах Магаданской области) и 27 – девушки, воспитывающиеся в семье г. Магадана.

Для исследования *эмоционально-потребностного блока* материнской сферы использовались следующие методики: униполярный личностный семантический дифференциал А. Г. Шмелева, В. И. Похилько, А. Ю. Козловской-Тельновой (УЛСД) по стимулам «мать» и «я-мать», а также авторская анкета, направленная на выявление качественных представлений о себе как матери. Для исследования *операционального блока* материнской сферы применена авторская анкета, направленная на изучение представления о выполнении материнских функций. Для исследования *ценностно-смыслового блока* материнской сферы использовались: модифицированная методика «Кто я?» М. Куна и Т. Мак-Партланда (модификация заключалась в предъявлении испытуемым двух вопросов: «кто я?» и «кто я в будущем?»), а также модифицированная методика ценностных ориентаций М. Рокича (модификация заключалась в добавлении в список терминальных ценностей пункта «счастливое материнство»).

Данные пилотного исследования особенностей материнской сферы девушек-сирот показали наличие психологических особенности как в мотивационной сфере, так и в операциональной. Особенности мотивационной сферы характеризуются несформированностью продуктивных (позитивных, реалистичных) моделей семьи, материнства, социального развития (профессионального развития, движения в обществе). Присутствует слабое развитие качеств субъектности (самостоятельности, способности принятия решений, планирования жизни, принятия ответственности за свою жизнь и жизнь другого человека (ребенка), что проявляется в виде зависимости, иждивенческой, рентной позиции, выученной беспомощности, несамостоятельности, отсутствии настойчивости). Девушки-воспитанницы интернатных учреждений, во-первых, имеют положительное отношение к компонентам материнства, но идеализированный и стереотипный образы матери и себя как матери, во-вторых, они осведомлены и владеют большим набором операций матери по уходу за ребенком и реже, чем девушки из семей, осознают свою роль матери в жизненной перспективе.

В отличие от них девушки из семей, имея положительное отношение к компонентам материнства, более реалистично и индивидуально представляют образ матери и себя как матери. Менее эмоциональны и менее

неуверенны в описании ситуаций взаимодействия с маленькими детьми, владеют малым опытом обращения с ребенком и мало осведомлены, значимо чаще признают роль матери для себя в жизненной перспективе. Важно, что, характеризуя себя в будущем как мать, девушки из семей основными качествами выбирали ответственность и средства воспитания и контроля ребенка, а девушки-сироты – качества, указывающие на реализацию морально-нравственного аспекта их поведения.

Выявленные особенности материнской сферы девушек-сирот позволяют понять стихийно сформировавшийся образ семьи, особенность которого заключается, с одной стороны, в повышенной значимости семьи для девушек-сирот, с другой, – в идеализации образа семьи (расплывчатый, неконкретный образ идеальной семьи). При этом многие авторы [1] отмечают, что конкретными и эмоционально насыщенными, гипертрофированными являются для девушек-сирот негативные характеристики семьи и ее членов. Это связано с жизненным опытом проживания в подобной «плохой» семье.

Не менее важным в анализе психологической готовности девушек-сирот к материнству является социальная ситуация развития, которую можно охарактеризовать как кризисную: близкая перспектива смены социального окружения (переход из интерната в профессиональные училища); существенное изменение (уменьшение) степени социальной опеки и контроля в связи с отсутствием сотрудников интерната; пубертатный возраст как наиболее проблемный, частый риск незапланированной ранней беременности, к последствиям которой девушки-сироты не готовы.

К. Д. Хломов и С. Н. Ениколопов обнаружили, что склонности к нейротизму, экзальтированности и закрытости к новому опыту у женщин в условиях беременности могут усложнять протекание беременности. И наоборот, беременность, осложненная угрозой прерывания и/или негативными психоэмоциональными переживаниями и негативными соматическими симптомами, может вызывать у женщины повышение нейротизма, тревожности, экзальтированности и закрытости к новому опыту. Так получается замкнутый круг, способствующий усилению соматических проявлений, угрозе прерывания беременности [11]. Девушки-сироты, имеющие депривационные нарушения, находясь в сложных условиях интернатных учреждений, имеют как личностные изменения, повышающие нейротизм, тревогу и ощущение нестабильности, так и психические нарушения, связанные с сильными переживаниями психологических травм, жестоким обращением в родительской семье. Поэтому их беременность изначально имеет угрозу жизни и здоровью плода, то есть возникают причины отказа от больного ребенка.

Таким образом, анализируя особенности развития и формирования девушек-сирот, можно констатировать, что кроме личностных особенностей, присущих детям-сиротам, у них наблюдаются искаженные полоролевые представления и формы соответствующего поведения, а также специфическое развитие материнской сферы. Не мене важным является неумение девушек-сирот самостоятельно решать те или иные проблемы в силу психологических причин, то есть присутствует сложность социальной адаптации и реализации женских ролевых позиций.

Процесс формирования готовности к материнству – эмоциональных, операциональных и ценностных характеристик – происходит на протяжении всего жизненного пути будущей матери. Мы предполагаем, что особенности развития девочки-девушки-женщины во многом определяет ее материнскую позицию, позволяет сделать прогноз возможных девиаций материнства и искажений в реализации материнских функций. Специфика образовательной среды интернатного учреждения влияет на формирование личности и социализацию девушек-сирот. Вместе с тем, в настоящее время исследования в области девиантного поведения матерей производятся на выборке уже беременных и родивших женщин: выявлены некоторые психологические причины ранних отказов матери от ребенка. Дальнейшее исследование заявленной проблемы будет проходить на кафедре педагогической психологии МГППУ, оно будет заключаться в более глубоком изучении факторов образовательной среды детского дома, негативно влияющих на формирование психологической готовности к материнству девушек-сирот, а также в разработке концепции развивающей образовательной среды сиротского учреждения.

Литература

1. Брутман В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова // Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 79–87.
2. Егорова М. А. Психологическое обеспечение образовательной среды в школе-интернате // Обучение и воспитание детей-сирот. Хрестоматия. – М.: АНО «Психологическая электронная библиотека», 2008. С. 258–280.
3. Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. Ф., Сенкевич Л. В., Столярова Г. И. Подросток без семьи: интеллект, потребности, мотивы / Монография. – Тула, 2005. – 230 с.
4. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. – М., 1986. – 372 с.
5. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 18–27.
6. Миронова С. И. Психологическая готовность к материнству у девушек в условиях интернатных учреждений // Молодые ученые – столичному образованию. Материалы IX научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. – М.: МГППУ, 2010. С. 33 – 35.

7. *Павлычева Т. Н.* Социально-психологические аспекты адаптированности выпускников сиротских учреждений в открытом социуме. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05.: М., 2010. – 26 с.
8. *Панов В. И.* Одаренные дети: выявление – обучение – развитие // Педагогика. – 2001. – № 4.
9. *Проселкова М. О.* Особенности психического здоровья детей-сирот. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.18.: М., – 2002. – 25 с.
10. *Филиппова Г. Г.* Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 81–88.
11. *Хломов К. Д., Ениколопов С. Н.* Исследование психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей беременных с угрозой прерывания // Перинатальная психология и психология родительства. – 2007. – № 3. – С.38–49.
12. *Чурнова М. А.* Нарушения интерперсональных отношений и эмоционального развития у детей-сирот без опыта жизни в семье. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13.: М., 2007. – 24 с.
13. Юферева Т. И. Образы мужчины женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 84–90.
14. *Ясвин В. А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

А. Г. Самохвалова

Защитное поведение подростков в ситуациях затрудненного общения (на примере эмо-подростков)

Подростковый возраст – важнейший этап развития социально-психологических качеств личности, поскольку в этот период происходит закладка ценностей, становление идентичности, ориентация на будущее, начинается процесс формирования индивидуального стиля общения. От того как пройдет этот этап развития, во многом зависит способность человека адаптироваться в обществе, приспособливаться к изменяющимся условиям, возможность реализовать себя, социальная и коммуникативная компетентность. Значительное число современных подростков, удовлетворяя потребность в индивидуализации, включаются в различные *неформальные объединения* («эмо», «готы», «скинхеды» и др.); их поведение зачастую определяется желанием выделиться, занять значимую позицию в группе, добиться уважения, признания своей личностной ценности; коммуникации отличаются демонстративностью, негативизмом, стремлением к самоутверждению.

Исследования коммуникативной деятельности подростков показывают, что нередко социальные ситуации взаимодействия становятся для них ситуациями общения с различными личностными и коммуникативными трудностями.